

# РЯДОМ С ДЮМА

Любопытные воспоминания об Александре Дюма-отце принадлежат перу французского журналиста Вильмесана, долгие годы дружившего со знаменитым писателем.

Легкость, с которой писал Дюма, была поразительна, рассказывает Вильмесан. Он даже не уединялся для того, чтобы писать, и с полным спокойствием мог писать, не обращая внимания на окружающий его иногда шум. Если к нему приходил кто-нибудь из знакомых, Дюма откладывал в сторону перо, беседовал с ним полчаса, а затем продолжал начатый роман с того места, где остановился при входе гостя. Великий романист не обладал ни одним из тех капризов, которые обычно свойственны всем мало-мальски известным писателям. Он мог работать во всякое время дня и ночи.

Чтобы избавиться от надоедливых посетителей, у Дюма было верное и быстрое средство: он никогда никому ни в чем не отказывал. Если, например,

кто-нибудь приходил к нему и говорил: «Дорогой Дюма, не можете ли вы оставить для меня сегодня ложу во французской комедии?», Дюма присаживался к столу и писал: «Дорогой Вертель, не можете ли оставить ложу подателю этой записки?».

Счастливец мчался в театр и предъявлял письмо директору, который прочитывал его, и восклицал: «Да ну его к черту, этого Дюма! Ведь это уже семнадцатый человек приносит сегодня просьбу о ложе! Это никак невозможно! Если я стану исполнять все его просьбы, то мне придется давать два представления ежедневно только для удовлетворения его протеза!»

Для фельетонных романов в парижских газетах, за которые

он получал крупный гонорар, Дюма придумал совершенно особый стиль, дававший ему возможность выбивать наибольшее число строк с наименьшей затратой сил. Вот образец тех диалогов, которые писались специально для газет:

- Ах, вот и вы!
- Да это я.
- Я ожидаю вас.
- Потому-то я и пришел!

В конце концов его раскусили, и как-то раз один из редакторов крупной газеты прислал ему письмо, в котором сообщал, что за строчки, которые не превышают половины нормального размера строки, он будет платить только половинный гонорар. Вильмесан был у Дюма как раз в то время, когда пришло это роковое письмо. Прочтя его, Дюма схватил перо и перечеркнул целую страницу:

- Вот теперь я его умертвил!
- Кого? — спросил Вильмесан.

— Гримо Молчаливого. Я выдумал его только ради коротких строк, но раз теперь короткие строки в счет не идут, я заставлю говорить всех действующих в романе лиц.

Следующий пример еще раз подтверждает прославленное остроумие Дюма.

Как-то раз в театре на представлении пьесы некоего Сумэ



Дюма стоял рядом с автором и рассматривал публику. Вдруг он увидел, что какой-то господин в креслах уснул.

— Видишь, — сказал Дюма, — вот какое действие производит твои пьесы!

На следующий день давали комедию самого Дюма. Оба писателя опять стояли вместе и рассматривали из-за кулис партер, но на этот раз уже Сумэ увидел господина, который мирно похрапывал на своем месте. Сумэ потрепал Дюма по плечу и проговорил:

— Видишь, и на твоей пьесе тоже можно спать.

— Ах, нет, — ответил Дюма, — это еще вчерашний посетитель, его, вероятно, не могли разбудить..

Публикация  
В. СУРМИЛО

